

УДК 94: 351.74 (571.54)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.83>

Формулярные списки как источник по изучению социального портрета городничих первой половины XIX в. (на примере г. Верхнеудинска Забайкальской области)

Р. А. Евтехов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Анализируются основные сведения о городничих г. Верхнеудинска, извлеченные из не опубликованных ранее формулярных списков. Предпринимается попытка составить собирательный портрет городничих Верхнеудинска на основе данных формулярных списков. С применением микроисторического и антропологического методов исследования детально проанализированы собственно формулярные списки городничих Верхнеудинска и приведенные в них сведения. Делается вывод о наличии определенной специфики в политике комплектования руководства городской полиции на восточных окраинах Российской империи.

Ключевые слова: формулярный список, послужной список, городничий, городская полиция, Верхнеудинск, чиновничество, бюрократический аппарат, кадровая политика Российской империи.

Для цитирования: Евтехов Р. А. Формулярные списки как источник по изучению социального портрета городничих первой половины XIX в. (на примере г. Верхнеудинска Забайкальской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 83–90. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.83>

Введение. Забайкальский регион XIX в. являлся своеобразным плацдармом движения Российской империи на восточные территории, в частности во Внутреннюю Азию. Подтверждает это наблюдение факт существования особого административного управления – военного губернаторства и Кяхтинского градоначальства, что предполагало ведение специфической кадровой политики.

Многие советские историки (Н. П. Ерошкин, В. Г. Чернуха, П. А. Зайончковский, Р. С. Мулукаев и др.) относили управленческие кадры к высшему сословию империи, называя его «эксплуататорским», хотя далеко не все управленцы были выходцами из дворян. В то же время нельзя не отметить положительную роль местных управленческих кадров в становлении и развитии особой городской среды Российской империи. На сегодняшний день личности забайкальских градоначальников еще не становились предметом исследований.

Поэтому предпринимается попытка составить наиболее общий, типовой портрет городничего Верхнеудинска на основе данных формулярных списков. Необходимо оговориться, что большинство сведений публикуются впервые и не являются исчерпывающими. Хронологические рамки работы ограничены 1800–1864 гг., географические – г. Верхнеудинском, который до 1851 г. относился к Иркутской губернии, а после – к Забайкальской области.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности, предполагающие изучение каждого явления в конкретных исторических реалиях. Использован микроисторический метод, с помощью которого осуществляется многостороннее рассмотрение объекта изучения; уменьшение масштаба исследования, на наш взгляд, приближает к изучаемому объекту и дает возможность увидеть отдельные сюжеты, которые раскрывают все многообразие исторического прошлого, определить причины общих и отличных прецедентов на территории всего государства. Использован антропологический метод, позволяющий выявлять личностную роль человека в событиях, значение устойчивых черт интеллекта, психики, национального характера, т. е. качеств человека как биосоциального существа.

Результаты исследования. Верхнеудинск выделяется из других забайкальских городов XIX в. как один из самых крупных и развитых [9, с. 86]. Появление в нем института градоначальников можно отнести ко времени создания комендантской канцелярии и назначения первого коменданта И. С. Мертвцова в 1765 г. Городничье правление в полной мере начало осуществлять свою деятельность только с 1784 г., после упразднения Удинской провинциальной канцелярии. Должность военного коменданта, существовавшая в городе до введения городничего правления, была официально дополнена гражданскими функциями, хотя и прежде коменданту приходилось исполнять гражданские функции, но в качестве чрезвычайных. С 1800 г. для управления городом назначались городничие, вплоть до 1867 г., когда реформой полиции в Сибири эта должность была упразднена повсеместно.

Городничий – должность административно-полицейского начальника уездного города, распространившаяся повсеместно Учреждением для управления губерний 1775 г. Должность городничего была эквивалентна должности коменданта, но первый подчинялся гражданскому, а второй военному ведомству. Функции городничего заключались в охране общественного порядка и контроле за соблюдением мер пожарной безопасности, за исполнением законов, обязательных постановлений и приведением в действие решений суда. Городничие и подчиненный им полицейский аппарат (состоящий из частного пристава, квартальных надзирателей, канцелярии, десятников и пр.) выполняли, кроме полицейских, многочисленные административно-распорядительные и контролирующие функции во вверенных им городах.

Основным, наиболее достоверным источником сведений о личностях городничих становятся формулярные списки (послужные списки). Начиная с середины XVIII в. эти документы являлись формой учета всех служащих империи [3, с. 36]. Иногда это единственные исторические источники, кото-

рые позволяют получить информацию и биографию управленческих кадров. Формулярные списки как исторический источник отличаются высоким уровнем достоверности, что подтверждено специальным анализом [6, с. 37–38]. Систематическое ведение и отсылка формулярных списков вышестоящему начальству приняты в 1764 г., именно с этого времени начинается отчет пенсионного обеспечения государственных служащих [2, с. 37]. Правительство считало достаточно важным упорядоченное составление формуляров, о чем говорят многочисленные предписания, которые имели скорее напоминательный характер. Формулярные списки городничих, полицмейстеров, уездных начальников, окружных исправников составлялись с наибольшим числом подробностей, аналогичные документы на канцелярских служащих и квартальных надзирателей были гораздо лаконичнее.

Нами были изучены формулярные списки городничих г. Верхнеудинска, состоящие на хранении в ГАРБ (г. Улан-Удэ)¹ и ГАЗК (г. Чита)². В сравнительном анализе мы опираемся на сведения Е. А. Детининой [3, с. 36]. Следует отметить, что материалы, ею приведенные, хронологически однородны, представленный нами список относится ко всей первой половине XIX в.

Обсуждение результатов. Формулярный список представляет собой многостраничную таблицу, состоящую из 15 пунктов: 1) чин, Ф. И. О., лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание; 2) происхождение, социальный слой; 3–6) наличие недвижимой собственности – приобретенной, родительской или принадлежащей супруге; 7–9) основные сведения об образовании, указание о том, где, когда (в какой год, числа и месяца) и в каком звании вступил в службу, как далее развивался карьерный рост; 10) являлся ли участником походов, сражений, когда и где; 11) был ли в штрафах, под судом и следствием и каковы итоги; 12) способен ли и достоин ли повышения чина – в этой графе аттестацию (способен, не способен или малоспособен) проводил непосредственный начальник чиновника; 13) был ли в отпусках и просрочках; 14) был ли в отставках, какое время и по какой причине; 15) семейное положение, сведения о супруге и детях. Число пунктов и необходимые подробности несколько видоизменялись с течением времени, приведенные нами пункты соответствуют формулярам середины XIX в. Формулярный список содержал основные сведения о чиновнике с перечислением деловых, личностных и моральных качеств [1, с. 261], позволявших делать вывод о целесообразности его повышения.

Согласно этим материалам назначение на должность городничего производилось по достижении кандидатом уже значительного возраста, когда был накоплен управленческий опыт. Чаще всего городничим к моменту назначения было от 47 до 54 лет. Данные об уездных городничих европейской части империи [5, с. 38] свидетельствуют о более ранних назначениях – 37–47 лет. Самым пожилым на должность верхнеудинского городничего

¹ Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 11. Оп. 4. Д. 345; Оп. 6. Д. 326; Оп. 7. Д. 85; Оп. 9. Д. 1, 27, 31, 32а, 157, 160, 321.

² Государственный архив Забайкальского края. Ф. 1общ. Оп. 1. Д. 239, 5957.

стал И. А. Сеннов, назначенный в возрасте 60 лет, а самым молодым – Ф. В. Куркин (36 лет). С другой стороны, городничему Г. С. Юдину, занимавшему должность верхнеудинского городничего в течение двадцати лет, ко времени отставки было уже около 70 лет.

Городничие не только крупных, но и уездных городов традиционно имели потомственное дворянское происхождение [3, с. 38; 4; 5, с. 602]. Формулярные списки городничих Верхнеудинска указывают на специфику комплектования полицейских чинов Забайкальского региона. Из известных нам девяти верхнеудинских городничих потомственное дворянское происхождение имел только один. Происхождение остальных было преимущественно военно-служилым (обер-офицерские (3), старшинский (1), солдатский (1), казачий (1) сыновья). Обер-офицерское звание получали не только военные, но и гражданские служащие. Вообще, обер-офицерские дети – это рожденные до получения их отцами (недворянами) потомственного дворянского достоинства. Закрытость дворянского сословия была нарушена еще Петром I, который ввел возможность рожденным в иных сословиях дослужиться до обер-офицерского звания, что по законам Российской империи позволяло им получить личное дворянство. В некоторых случаях они могли передавать дворянское достоинство сыновьям. Старшинский сын происходил из потомственного казачьего сословия, однако само звание старшины в XVIII в. не давало прав дворянства [8, с. 70]. Старшины – это представители выделившейся из казачьего общества верхушки. Указание в графе «Происхождение» у одного из городничих, К. Д. Ильина, – «сын городского секретаря» весьма примечательно. Отсутствие единообразия в указании на происхождение говорит о желании составителей наиболее точно передать социальный статус родителя [6, с. 32–34], его строго требовало законодательство. Происхождение большинства городничих из военно-служилого сословия объясняется спецификой градообразования Забайкальского региона, где города вырастали из военно-оборонительных пунктов. Круг управленцев (военных и дворян) был достаточно закрытым, в него почти не попадали выходцы из других сословий, лишь один был представителем городского общества – купеческим сыном. Таким образом, многие городничие не только не являлись потомственными дворянами, но даже не все происходили из обер-офицерских семей. Это подтверждает известный тезис о возможности быстрого продвижения по службе на задворках империи.

Довольно пестрым был также состав чинов и званий городничих на момент назначения. К назначению на должность большинство (6 из 9) уже имели опыт службы в должности городничих, комендантов или земских исправников. Городничие И. Д. Татаринов и А. Г. Элин определялись «к поправке дел при городничем правлении», т. е. временно, поэтому известно, что первый был в звании капитана, второй – майора. Г. С. Юдин состоял в звании подполковника, чин надворного советника он получил позднее, оставаясь в должности. Двое других городничих были надворными советниками, четверо – титулярными советниками и один – коллежским ассессором. К окончанию срока своих полномочий большинство имели чин надворных

советников. Примечательно, что получившие этот чин сразу же обретали потомственное дворянство, а после 1856 г. – только личное.

Интересен вопрос об имущественном положении городничих. Из имеющихся сведений о материальном положении семи городничих было выявлено, что только один – Г. С. Юдин, занимавший должность в течение двадцати лет, владел в городе собственным домом. У К. Д. Ильина был деревянный дом в Иркутске, принадлежавший его умершей жене. Городничий Юдин также оказался самым крупным «душевладельцем»: у него было четверо дворовых и один у жены. Еще у двоих городничих были свои дворовые, но их число было незначительным. Эта картина не слишком изменилась с XVIII в.: у коменданта Верхнеудинска секунд-майора И. А. Аппелгрейна ко времени его смерти было как минимум двое дворовых, которые получили вольную по его завещанию. Таким образом, городничие Верхнеудинска не располагали каким-либо существенным имуществом, несмотря на их явно привилегированное положение. Эти данные вполне соотносятся со сведениями о городничих западных областей.

Большинство городничих были женаты (6 из 9), один не был женат вообще (нет указаний на то, что он был вдовцом, поэтому можно предположить, что он оставался холост), еще двое были вдовцами. В их семьях было мало детей (в основном один-два ребенка), что не соотносится с семейственностью западнорусских «коллег», в семьях которых было по пять – семь детей. Двое из шести женатых городничих не имели детей совсем. Не исключено, что нестабильное экономическое положение было причиной малочисленности семей, хотя могли быть и другие причины: более низкий уровень медицины и суровые климатические условия. Женами городничих чаще всего были дочери военных или чиновников, и, как правило, значительно младше своих мужей.

Незначительное число городничих (2 из 9) были участниками русско-шведской 1808–1809 г. и Отечественной 1812 г. войн, в то время как действующие городничие европейской части России в большинстве были офицерами и имели серьезные боевые ранения. Городничий И. А. Сеннов не был участником заграничных походов, но участвовал в подавлении Пугачевского бунта.

Любопытен также вопрос о наградах, которые были пожалованы городничим. Большая любовь к наградам, в особенности к орденам, в Российской империи была обусловлена многими факторами, в том числе надбавкой, прилагающейся к пенсии. Пятеро городничих Верхнеудинска из девяти на момент назначения уже имели ордена. В основном эти ордена занимали достаточно низкие позиции в наградной иерархии Российской империи и были рассчитаны на чиновников, отличившихся в «беспорочной службе», но некоторые из них полагались и за боевые заслуги.

Губернское управление, несмотря на «кадровый голод», стандартный для окраинных территорий, все же старалось не определять к высшим управленческим должностям людей, ранее судимых. Только один из городничих, П. Е. Решетников, на момент назначения был судим, притом неодно-

кратно. Отчасти в этом был повинен сложный характер городничего, о чем свидетельствует большинство дел, касавшихся его взаимоотношений с различными чиновниками. Прочие недостатки по его службе состояли, например, в оставлении дела без производства и принятии безосновательного доноса. В конце концов Решетников, переведенный в должность городничего Троицко-Савска, отставлен от должности из-за недосмотра за порядком добычи глины, что привело к гибели крестьянки.

Как и на всех прочих чиновников, на городничих могли и поступали жалобы и анонимные письма. Так, на городничего П. А. Измайлова и частного пристава при нем Икингина во время деятельности комиссии Сперанского по выяснению злоупотреблений чиновников поступали жалобы, но при их рассмотрении ни одно из выдвигаемых обвинений не было доказано [7, с. 139]. Правда, комиссией рассматривались жалобы, поступившие в 1819 г., и к моменту подачи на рассмотрение императору положения и получения его резолюции в 1822 г. Измайлов уже был отставлен от должности городничего, после чего уже не выдвигался к службе.

Заключение. Таким образом, формулярные списки представляют собой важный исторический источник с большим информационным потенциалом, содержащий существенные социальные сведения о чиновниках. Кроме того, информация, извлеченная из формуляров, позволяет приблизиться к пониманию повседневной жизнедеятельности общества Российской империи. Этот тип источников является одним из самых достоверных, что подтверждается специальными исследованиями как советских, так и современных исследователей.

Исходя из полученных сведений, нами составлен портрет типичного чиновника, назначенного на должность верхнеудинского городничего: это мужчина в зрелом возрасте (обычно от 47 до 54 лет), прошедший многочисленные переназначения по службе и скопивший значительный опыт. Как правило, он делал военную карьеру, иногда непосредственно принимал участие в боевых действиях. Происходивший по большей части из военно-служилого сословия, такой чиновник успевал дослужиться до чина надворного советника, позволявшего получить дворянские привилегии. Несмотря на это, он не владел большим числом дворовых и, как правило, не имел недвижимой собственности, а поэтому жил лишь на положенное им от государства жалованье. Как правило, он был женат, но имел мало детей. Городничие были редко замечены в каких-либо нарушениях закона, однако отмечались и такие случаи. Очевидно, что управленческие таланты этих чиновников и какие-либо другие качества в этом смысле были превалирующими для сохранения их на службе. Таким образом, собирательный портрет полицейского чиновника – городничего окраины Российской империи имеет определенные отличия от образа западноевропейского коллеги, что свидетельствует об ином характере комплектования кадрами Сибирского управленческого аппарата.

Список литературы

1. Вакилев Т. Р. Формулярные списки в эпоху Николая I и их значение в механизме государственного управления // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 258–261.
2. Гусаков Д. Б. Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. СПб., 2015. 161 с.
3. Детинина Е. А. Портрет уездного городничего Оренбургской губернии (по формулярным спискам 1845 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. Вып. 62. № 2 (357). С. 36–41.
4. Дятлов В. А. Особенности социального положения чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 601–604.
5. Дятлов В. А. Происхождение и образование как факторы социальной мобильности провинциального чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 605–608.
6. Иванов В. А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Вестник архивиста. 2012. № 4 (120). С. 30–39.
7. Материалы по ревизии Сперанского // Сибирский архив. 1915. № 3. С. 123–152.
8. Мельников А. С. Институт дворянства в области войска Донского: становление, основные этапы развития // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 6. С. 70–73.
9. Паликова Т. В. Юго-Западное Забайкалье XIX – начала XX в. в условиях трансграничья // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 86–90

Formular Lists as a Source for the Study of the Social Portrait of Mayor First Half of the 19th Century (on the Example of the City of Verkhneudinsk, Transbaikal Region)

R. A. Evtekhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the basic information about the governors of the city of Verkhneudinsk, extracted from previously unpublished formular lists. The purpose of the article is to clarify the most general, characteristic portrait of individuals appointed to the position of mayor of Verkhneudinsk based on the use of formular lists. The work used micro-historical and anthropological research methods. The formal lists of the governors of Verkhneudinsk and the data given in them are analyzed in detail. The information revealed by the author was compared with the data of the western regions of the Russian Empire, on the basis of which conclusions were drawn about the presence of a certain specificity in the policy of recruiting the leadership of the city police on the eastern outskirts of the Russian Empire.

Keywords: Formularly list; achievement list; mayor; city police; Verkhneudinsk; bureaucracy; bureaucratic apparatus; personnel policy of the Russian Empire.

For citation: Evtekhov R.A. Formular Lists as a Source for the Study of the Social Portrait of Mayor First Half of the 19th Century (on the Example of the City of Verkhneudinsk, Transbaikal Region). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 83-90. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.83> (in Russian)

References

1. Vakilev T.R. Formulyarnye spiski v epokhu Nikolaya I i ikh znachenie v mekhanizme gosudarstvennogo upravleniya [Formular lists in the era of Nicholas I and their significance in the mechanism of public administration] *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2014, no. 2, pp. 258-261. (in Russian)
2. Gusakov D.B. *Genezis gosudarstvennogo pensionnogo obespecheniya i sotsial'nogo strakhovaniya v Rossiiskoi imperii: istoriko-pravovoi aspekt* [Genesis of state pension provision and social insurance in the Russian Empire: historical and legal aspect]. St. Petersburg, St. Petersburg Publ., 2015, 161 p. (in Russian)
3. Detinina E.A. Portret uездного gorodnicheskogo Orenburgskoi gubernii (po formulyarnym spiskam 1845 goda) [Portrait of the county governor of the Orenburg province (according to the formular lists of 1845)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2015, vol. 62, no. 2 (357), pp. 36-41. (in Russian)
4. Dyatlov V.A. Osobennosti sotsial'nogo polozheniya chinovnichestva rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka (na primere Penzenskoi i Saratovskoi gubernii) [Features of the social position of the bureaucracy of the Russian empire in the first half of the XIX century (on the example of the Penza and Saratov provinces)]. *Izvestiya penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.G. Belinskogo* [Bulletin of the Penza State University im. V.G. Belinsky], 2012, no. 27, pp. 601-604. (in Russian)
5. Dyatlov V.A. Proiskhozhdenie i obrazovanie kak faktory sotsial'noi mobil'nosti provintsial'nogo chinovnichestva Rossiiskoi imperii v pervoi polovine KhIKh veka (na primere Penzenskoi i Saratovskoi gubernii) [Origin and education as factors of social mobility of the provincial bureaucracy of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century (on the example of the Penza and Saratov provinces)]. *Izvestiya penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.G. Belinskogo* [Bulletin of the Penza State University im. V.G. Belinsky], 2012, no. 27, pp. 605-608. (in Russian)
6. Ivanov V.A. O dostovernosti svedenii formulyarnykh spiskov sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XVIII — nachalo XX v. [On the reliability of information in the formulary lists of employees of local state institutions of the Russian Empire. Second half of the 18th – early 20th century]. *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist], 2012, no. 4 (120), pp. 30-39. (in Russian)
7. Materialy po revizii Speranskogo [Materials on the revision of Speransky]. *Sibirskii arkhiv* [Siberian Archive], 1915, no. 3, pp. 123-152. (in Russian)
8. Melnikov A. S. Institut dvoryanstva v oblasti voiska Donskogo: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya [Institute of nobility in the field of the Don army: formation, the main stages of development]. *Yurist-Pravoved* [Lawyer – Pravoved], 2010, no. 6, pp. 70-73. (in Russian)
9. Palikova T. V. Yugo-Zapadnoe Zabaikal'e XIX – nachala XX v. v usloviyakh transgranich'ya [Southwestern Transbaikalia of the 19th – early 20th centuries. in transboundary conditions]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2015, vol. 7, pp. 86-90. (in Russian)

Евтехов Роман Артурович

кандидат исторических наук,
научный сотрудник, кафедра истории и
теории политики, факультет политологии
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ломоносовский
просп., 27
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru

Evtexov Roman Arturovich

Candidate of Sciences (History), Researcher,
Department of History and Theory
of Politics, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University
27, Lomonosovsky av., Moscow, 119991,
Russian Federation
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru